

В. Я. БРЮСОВ О ПУШКИНЕ

I

Интерес к «полубогу русской поэзии», как назвал однажды Пушкина В. Брюсов, проходит через всю литературную деятельность последнего. Брюсов-поэт неоднократно обращался к темам и образам Пушкина. Брюсов-ученый, начиная с 1899 года, работал над изучением текстов, биографии, произведений Пушкина. За 25 лет Брюсовым написано более 70 работ по вопросам пушкиноведения. Лучшие из них были объединены в сборнике «Мой Пушкин», изданном уже после смерти Брюсова¹, некоторые остались незавершенными, многие затерялись на страницах дореволюционной периодической печати.

Высказывания Брюсова о Пушкине редко привлекали внимание советских исследователей. Пушкинисты упоминают их бегло и чаще всего в полемическом плане.

Авторы книг и статей о самом Брюсове недостаточно используют этот материал, неправомерно отделяют Брюсова-пушкиниста от Брюсова-художника. Н. К. Пиксанов еще в 1929 году писал: «Нет сомнения в том, что через Пушкина Брюсов лучше, глубже осознавал самого себя и четче формулировал свои философские, об-

¹ В. Брюсов. Мой Пушкин. ГИЗ, М., 1929. В дальнейшем сокращенно—Мой Пушкин.

щественные, эстетические принципы. Поразительно, что и революцию Брюсов познавал как-то через посредство Пушкина»¹.

Эта верная и глубокая мысль не получила продолжения и дальнейшей разработки в советской научной и критической литературе о Брюсове.

Создания Пушкина и личность самого поэта занимали такое огромное, такое исключительное место в сознании Брюсова, что оставили свой след на каждом из многочисленных пройденных им «путей и перепутий».

Исследовательские интересы Брюсова-пушкиниста неразрывно связаны с эволюцией эстетических взглядов и отходом от символизма Брюсова-художника. Поэтому многочисленные статьи, рецензии, обзоры, заметки, посвященные Брюсовым Пушкину и его наследию, нельзя рассматривать, не учитывая обстановки и условий, когда они создавались, особенностей мировоззрения и литературной позиции Брюсова и одновременно общего уровня дореволюционного русского пушкиноведения.

Первый этап деятельности Брюсова-пушкиниста продолжался с 1899 года, когда была опубликована его рецензия на первый том академического издания полного собрания сочинений Пушкина, и приблизительно до 1904 года. Обращение молодого Брюсова к изучению Пушкина несомненно было связано с общей тенденцией раннего символизма включить в свою родословную классиков русской и мировой литературы, тенденцией наиболее ярко и последовательно выраженной в серии этюдов Д. Мережковского «Вечные спутники». Но Брюсову уже в 90-ые годы был чужд откровенный импрессионизм и субъективизм Мережковского и Гиппиус, для него неприемлем отказ от научного познания и замена его мистическим откровением как в области искусства, так и в методах его изучения.

«Я никак не могу согласиться с Д. С., что критика должна быть религиозным самосознанием. К чему тогда Гоголь, Пушкин и все! Довольно быть Мережковским»² — писал Брюсов в 1903 г.

¹ Предисловие Н. К. Пиксанова к сборнику «Мой Пушкин», стр. 5.

² Письмо П. П. Перцову от 22 февраля 1903 года. Опубликовано Д. Е. Максимовым в статье «Валерий Брюсов и «Новый

Молодой Брюсов мечтал создать обширную «Историю русской лирики», его замысел отличался стремлением поставить характеристики и оценки отдельных поэтов на строгую научную основу, насытить их подлинными фактами. «Моя цель, мой идеал,— признавался Брюсов,— создать такую фактическую историю русской поэзии, к которой прибегали бы все, во все времена...»¹.

Известные очерки Брюсова о Тютчеве, о Каролине Павловой, о Баратынском являлись этюдами к задуманной фундаментальной работе. За каждым из этих предшественников русской поэзии начала XIX века возвышалась фигура ее родоначальника — Пушкина, на котором и сосредоточились в конце 90-х годов исследовательские интересы Брюсова. Со свойственным ему трудолюбием и целеустремленностью он погрузился прежде всего в собирание фактического материала. «Затем предается я библиографии. Боратынский и Пушкин, вернее издатели их заняли все мое время»² — писал Брюсов в 1899 году.

Приход Брюсова к Пушкину и науке о нем был тем более закономерен, что тут имели место и предпосылки чисто биографического характера. Еще в детстве Брюсов слышал рассказы своего деда, поэта-самоучки Бакулина, который некогда видел Пушкина в книжной лавке Смирдина в Петербурге. «Тогда в 80-ые годы я не мог еще вполне оценить весь интерес этих воспоминаний... но позже, когда я самостоятельно «пришел к Пушкину», каждая черта в них стала для меня маленьким открытием»³ — свидетельствовал сам Брюсов.

Затем в старших классах гимназии Брюсов учился у Л. И. Поливанова, знатока Пушкина, редактора одного из лучших дореволюционных изданий⁴. По призна-

путь». «Лит. наследство», т. 27—28, стр. 278. «Д. С.»—Дмитрий Сергеевич Мережковский.

¹ Цит. по статье автора настоящей работы «В. Я. Брюсов». В кн.: История русской литературы, т. X. АН СССР, Л., 1954, стр. 631.

² В. Брюсов. Дневники, М., 1927, стр. 77.

³ В. Брюсов. Избранные сочинения, т. II, М., 1955, стр. 517.

⁴ Сочинения А. С. Пушкина с объяснениями их и сводом отзывов критики. Изд. Л. И. Поливанова для семьи и школы. В 5-ти томах. М., 1887—1888.

нию Брюсова, влияние Поливанова помогло ему по-настоящему полюбить и оценить Пушкина-поэта¹.

Наконец первым журналом, открывшим свои страницы перед молодым Брюсовым, был «Русский архив». Издатель и редактор этого журнала П. А. Бартенев — один из первых русских пушкинистов — часто и много рассказывал Брюсову о современниках и друзьях Пушкина, которых знал лично. Неслучайно именно в «Русском архиве» появилась и первая печатная работа Брюсова о Пушкине — рецензия на академическое издание, редактировавшееся Л. Н. Майковым. Брюсов отметил многочисленные текстологические неточности этого издания и поставил много лет остававшийся дискуссионным вопрос о принципах публикации ранних лицейских стихотворений, считая, что они должны даваться в первоначальном виде, тогда как Л. Н. Майков вводил в текст позднейшие поправки, сделанные Пушкиным.

На спор молодого исследователя с авторитетной редакцией академического издания откликнулись крупнейшие пушкинисты тех лет (П. О. Морозов, С. А. Венгеров). Значение этого спора в разработке научных принципов пушкинской текстологии признано и отмечено в наши дни Б. В. Томашевским².

Вопросы текстологии решительно преобладают и в других выступлениях Брюсова-пушкиниста в первый период его деятельности. Критике текста уделено главное внимание во всех рецензиях 1899—1904 годов, установлением подлинного текста занят Брюсов в статье «Текст пушкинской «Русалки» (1903), он публикует новую редакцию пушкинского стихотворения, посвященного А. Родзянке (1901), кропотливо трудится над его ранними произведениями. Вышедшая в 1907 году книга «Лицейские стихотворения Пушкина» явилась итогом более ранних текстологических разысканий Брюсова. Брюсов-текстолог проявляет исключительный интерес к редакциям и вариантам как к средству проникнове-

¹ В. Брюсов. Автобиография. В кн. «Русская литература XX века». Под ред. С. А. Венгерова, т. I, М., «Мир», 1914, стр. 107.

² Б. В. Томашевский. Издания стихотворных текстов Пушкина. В кн.: «Лит. наследство», т. 16—18, стр. 1055.

ния в творческую лабораторию художника. Поэт-экспериментатор, влюбленный во все тонкости «святого ремесла», Брюсов переносил эти близкие ему лично черты и в область изучения пушкинских черновиков и рукописей, настаивая на их расшифровке, на помещении максимального количества вариантов.

Другая наиболее привлекающая молодого Брюсова проблема пушкиноведения—разработка биографии поэта. Брюсов поднимает ряд спорных тогда вопросов: о принадлежности Пушкину «Гавриилиады», о взаимоотношениях Пушкина и Баратынского (в связи с производной гипотезой П. Щеголева, видевшего в Баратынском прототип завистника Сальери), о контроле Николая I через Бенкендорфа над Пушкиным в последние годы жизни. Неразработанность научной биографии Пушкина поражает Брюсова в самом начале его исследований. «Вы вероятно не представляете до какой степени мало разработана биография Пушкина» — писал Брюсов П. П. Перцову в 1901 году.— «Есть противоречия в 5—6 месяцев, многие лица неизвестны даже по фамилии, есть длинные промежутки, в которых неизвестно, где он был... Все изучение жизни Пушкина в будущем»¹. Брюсов понимал, что созданию научной биографии мешает каноническая легенда о благонамеренном, заблуждавшемся в юности, а затем покаявшемся Пушкине. Против этой официальной концепции направлена статья Брюсова о «Гавриилиаде», в которой он вынужден был прибегнуть ко многим сговоркам, но все-таки решительно настаивал на принадлежности «богохульной поэмы» перу Пушкина. Против той же легенды о «верноподданном» Пушкине пытался выступить Брюсов и в статье «Из жизни Пушкина» (1903), которую он сам считал программной своей работой. «Из всевозможных областей, из самых неожиданных источников, известных лишь мне, как библиографу, я отыскиваю новые черты Пушкина, как человека и поэта. Я рисую его таким, каким он истинно был, а не таким, каким нам хочется его воображать»².

В этой статье Брюсов хотел «угадать» живой образ

¹ П. Перцов. «Брюсов в начале века». «Знамя», 1940, № 3, стр. 248.

² Там же, стр. 249.

молодого Пушкина, страстного, жизнерадостного и пылкого, измученного полицейским надзором и неблагоприятной семейной обстановкой. Резкая направленность работы Брюсова против официальных славословий и недомолвок, мешавших созданию науки о Пушкине, была ее положительной стороной. Но каноническому Пушкину Брюсов противопоставил модернизированного Пушкина, кружащегося в вихре страстей. Прожигающий свою жизнь во всевозможных безумствах, только внешне связанный с общественным движением своей эпохи, а по существу одинокий и обреченный, брюсовский Пушкин не мог разрешить поставленной исследователем задачи — показать поэта «таким, каким он истинно был»¹.

Неудача Брюсова не случайна, как не случайно преобладание в его ранних работах частных вопросов, исследования отдельных фактов при отсутствии широких историко-литературных обобщений. Таков в основном был и общий уровень тогдашнего пушкиноведения, накопившего груды фактов, но не сумевшего решить до конца ни один из больших вопросов метода, мировоззрения, биографии поэта. В этом смысле Брюсов отнюдь не отставал от современной ему науки. Однако ему мешали не столько эти общие тенденции, сколько позиция защитника «чистого искусства» и сторонника решительного превосходства «новой поэзии», то есть декадентства и символизма над всеми «школами» и направлениями прошлого и настоящего.

Считая реализм отжившим и устаревшим, Брюсов не мог глубоко оценить наследие Пушкина. Пушкин воспринимается им в качестве некоего эстетического критерия, с ним он сравнивает и Тютчева, и Баратынского, и Владимира Соловьева, как с непревзойденным образцом литературного мастерства. Вопрос же о том, в чем сущность этого мастерства, его сила и глубина, либо вовсе обходится Брюсовым, либо освещается с явным сожалением об «излишнем» пристрастии Пушкина к реализму. Очень показательна в этом отношении оценка Пушкина, данная Брюсовым в статье о Владимире Соловьеве: «Есть два рода поэзии. Одна до-

¹ П. Перцов. Брюсов в начале века. «Знамя», 1940, № 3, стр. 248.

вольствуется (подчеркнуто мною — Э. Л.) изображением того, что можно постигнуть умом, выражением чувств, доступных ясному сознанию. Ее сила в передаче зримого, внешнего, в яркости описаний и точности определений... Таким, в своих наиболее известных произведениях, был Пушкин»¹.

Признавая закономерность существования такой поэзии, Брюсов отдает предпочтение «поэзии намеков», в частности лирике Тютчева, более близкой эстетическому кодексу символизма. С точки зрения того же кодекса рассматриваются взгляды «пушкинской школы» на задачи поэзии в эстетическом манифесте символизма — статье Брюсова «Священная жертва». Здесь он приходит к признанию известных стихов Пушкина («Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон») «чуждыми нашему времени».

Весьма характерно также, что в своих ранних работах Брюсов совершенно затушевывает политическое содержание лирики Пушкина, пренебрежительно и бегло отзывается о «Деревне», «Вольности» и других навеянных декабристскими идеями произведениях. «Политические стихи Пушкина 1817—1819 гг. самое слабое, что он написал. В «Вольности» едва 5—6 истинно прекрасных стихов, а остальное — подражание Рылееву. «Деревня»... совершенно неинтересна»².

Так теория «чистого искусства», ревностным защитником которой был молодой Брюсов, приводила к явной недооценке гражданской лирики Пушкина и мешала Брюсову, при всей искренности его преклонения перед пушкинским гением, проникнуть во внутренний мир самого поэта и в глубину созданных им художественных образов.

II

Перелом, который наметился во всем творчестве и в мировоззрении Брюсова в годы революционного подъема, изменил и его отношение к Пушкину.

В зрелой политической лирике Брюсова ощущается пушкинская традиция, смело и сознательно подчеркнут

¹ В. Брюсов. Далекие и близкие, стр. 27—28.

² В. Брюсов, Мой Пушкин, стр. 11.

тая системой эпитафий, ассоциаций, иносказаний в оболочке античности. Через Лермонтова к Пушкину восходит образная система «Кинжала», пушкинские эпитафии предпосланы стихотворениям «Цусима» и «Цепи», гражданский пафос политической лирики Пушкина и декабристов возрождается в нарочито архаизированной лексике «Юрия Цезаря» и «Гребцов Триремы».

Под прямым воздействием «Медного всадника» оформлялся замысел незавершенной драматической поэмы «Агасфер в 1905 году», которой был дан выразительный подзаголовок «Московская повесть».

Предчувствие близкой социальной катастрофы привело Брюсова к исторической прозе, в которой, избирая эпохи великих исторических сдвигов, он искал закономерности развития человеческого общества. На стиле исторических романов Брюсова, по справедливому наблюдению А. И. Белецкого, лежит отпечаток «долговременного изучения прозы Пушкина и латинских классических авторов»¹.

Все эти попытки творчески опереться на Пушкина, найти в его наследии надежную опору против мистических туманов и религиозных откровений, окончательно поглотивших литературу символизма, стали возможны потому, что теперь Брюсов отказывается от прежнего отрицания реалистического метода. В программной статье «Карл V. Диалог о реализме в искусстве», в отзывах на книги молодых поэтов Брюсов говорил уже о наблюдении действительности как основе всякого творчества, об опасностях разрыва поэзии с жизнью, о реализме как одном из «исконных прирожденных властелинов великой области искусства»².

В исследовательских работах Брюсова-пушкиниста теперь на первый план выдвигается историческое и жизненное содержание творений Пушкина, дается целостная концепция пушкинского замысла и его воплощения, а не только анализ текста или поиски биографических

¹ А. И. Белецкий. Первый исторический роман В. Я. Брюсова. Ученые записки Харьковского пед. ин-та, т. III, Харьков, 1940, стр. 29.

² «Далекие и близкие», стр. 145.

фактов. Особенно значительны и интересны статьи и комментарии, написанные Брюсовым между 1907 и 1910 годами для так называемого венгеровского издания Пушкина.

Из переписки Брюсова с Венгеровым¹ очевидно, что Брюсов активно участвовал в составлении плана всего издания, вновь возвратился к изучению рукописей Пушкина, много сделал для установления текста «Медного всадника» и особенно «Гавриилиады». Краткие комментарии к лицейским стихам и маленькие биографические этюды о Бакуниной и о пребывании Пушкина в Крыму сделаны очень тщательно, до предела насыщены фактическими сведениями, но по своему методу еще близки к ранним работам Брюсова. Новое восприятие Пушкина наглядно выступило в исследованиях, посвященных «Дому в Коломне», «Медному всаднику», незаконченным повестям, поэме «Египетские ночи».

В этих работах Брюсов стремился раскрыть идейную глубину пушкинских замыслов, показать их связь с философскими, политическими, эстетическими взглядами художника. Так тему «Домика в Коломне» Брюсов связывал с эстетической эволюцией Пушкина, с преодолением романтических воззрений, с приходом его «к убеждению, что все низменное и ничтожное столь же может быть содержанием поэтического создания, как возвышенное и трагическое»².

Внимание Брюсова привлекают теперь полнота, яркость, многогранность воспроизведения живой действительности у Пушкина, то есть именно та реалистическая основа, которая прежде столь явно игнорировалась и принижалась. «Если бы все задуманные Пушкиным повести были бы написаны, русская литература обогатилась бы целым рядом живых лиц, ярко представляющих нашу действительность и наше прошлое... Кажется, что на этих немногих, наскоро набросанных страницах Пушкин успел коснуться всех сторон современной ему жизни, наметить все характернейшие типы, встречающиеся в ней»³.

¹ «Литературный архив», вып. 1, АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 304—351.

² Мой Пушкин, стр. 59.

³ Там же, стр. 96.

Высокая оценка дается в статьях для венгеровского издания не только мастерству Пушкина, но и самому его методу — ясному, гармоничному, светлому реализму основоположника русской национальной литературы.

Проблема политических взглядов Пушкина становилась центральной в наиболее спорной и наиболее интересной из серии статей для венгеровского издания — в исследовании о «Медном всаднике» — одном из сложнейших, до сих пор окончательно не «расшифрованных» созданий Пушкина. Брюсов полемизировал с предвзятой схемой Мережковского, видевшего в поэме Пушкина все то же воплощение борьбы язычества и христианства, Христа и Антихриста. Вслед за польским ученым, И. Третьяком, Брюсов увидел в «Медном всаднике» своеобразный ответ другу юности — Мицкевичу, упрекнувшему Пушкина в отходе от вольнолюбивых идеалов. Но, принимая новые тогда наблюдения И. Третьяка по поводу поэтической переключки Пушкина и Мицкевича, Брюсов решительно отвергал вывод польского исследователя о добровольном подчинении Пушкина неодолимой силе русского самодержавия.

Брюсов доказывал, что в поэме отразилась эволюция политических взглядов Пушкина, вызванная разгромом декабристов. В статье Брюсова о «Медном всаднике» содержался очень тонкий и убедительный анализ всей сложности отношения Пушкина к Петру Первому и всей глубины этого образа в поэме. Брюсов приходил к выводу, что Пушкин, воплотив в «кумире с медною главою» деспотическую мощь самодержавия, продолжал верить, что кумир этот отнюдь не вечен и не всемогущ.

Сама по себе такая мысль была верна и плодотворна, как верным было убеждение Брюсова, что Пушкин не изменил идеалу свободы и остался противником самодержавия. В этом — основной пафос и основная ценность статьи о «Медном всаднике». Однако, пытаясь конкретизировать взгляды Пушкина, Брюсов истолковывал их субъективно, противопоставляя «эфемерную политическую свободу» «подлинной свободе духа». Тем самым на поэму Пушкина как бы проецировались те колебания, которые пережил сам Брюсов после поражения революции 1905 года и воплотил в стихотворениях «Близким», «Одному из братьев», «Дух земли».

Непоследовательность Брюсова, сохранение им многих декадентских воззрений даже в годы возрастающего «одиночества среди своих» сказались и в анализе «Египетских ночей». Верные наблюдения о глубоком презрении Пушкина к светскому обществу, о замечательном проникновении в дух античности сочетаются у Брюсова с чисто декадентскими формулами о безднах страсти, вечной связи любви и смерти, неодолимом соблазне сладострастья.

Тем не менее, при всех отдельных уступках декадентству в целом работы Брюсова для венгеровского издания принципиально отличаются от субъективно-импрессионистической, откровенно антинаучной и антинародной символистской критики. Брюсову совершенно несвойственны произвол и презрение к фактам, господствующие у символистов — историков литературы, неприемлема для него и тенденция превратить Пушкина в «аристократа духа», оплот против «современной толпы», «тупой черни», сделать его «поэтом для избранных».

От имени всех сторонников «новой поэзии» с подобным заявлением выступил в юбилейном номере «Мира искусств» (№ 13—14 за 1899 год) Федор Сологуб. Для Брюсова же изучение пушкинского наследия было всегда делом общенационального значения, долгом и обязанностью русской науки.

Репутация Брюсова-пушкиниста прочно устанавливается теперь и в академических кругах. В 1910 году И. Кубасов приглашает его вместе с Н. О. Лернером редактировать Малое академическое издание Пушкина. Аналогичное предложение делает Брюсову Е. А. Аничков, который редактировал «Библиотеку русских писателей», выпускавшуюся тогда издательством «Деятель». Убедившись в нереальности академического издания, Брюсов подписал договор с «Деятелем». «Возможность дать Пушкина совершенно по своему, мною самим обдуманному плану, настолько заманчива, что я готов идти и на риск большой ответственности и перед издателями, и перед обществом (что для меня важнее и страшнее) и на тяготу большой работы...» — писал Брюсов Аничкову 3 декабря 1910 года¹.

¹ Переписка В. Я. Брюсова с Е. А. Аничковым хранится в архиве Ин-та Русской литературы АН СССР в Ленинграде.

В течение двух лет Брюсов работал над подготовкой к печати первого тома и над биографией Пушкина. Издание «Деятеля» также не осуществилось, но подготовленные для него материалы были впоследствии использованы Брюсовым — редактором первого советского собрания сочинений Пушкина.

Опыт и знания, приобретенные Брюсовым в результате участия в венгеровском издании, изучение рукописей Пушкина, подготовка плана издания сочинений для «Библиотеки русских писателей» — все это позволило Брюсову считать себя вполне сложившимся специалистом в пушкиноведении. «Прекрасно знаю историю русской поэзии, особенно XVIII век, эпоху Пушкина и современность. Я специалист по биографии Пушкина и Тютчева и никому не уступлю в этой области»¹ — перечислял Брюсов наиболее близкие ему научные темы.

О том же свидетельствовал и замысел объединить свои работы о Пушкине в специальный сборник. В 1911 году был составлен перечень отобранных для него статей. Самому Брюсову принадлежало найденное для сборника смелое заглавие «Мой Пушкин», которое подчеркивало глубоко личное отношение автора к теме. Пушкин был и остался для Брюсова образцом высокого служения литературе, неутолимой жажды познания, неустанного творческого труда.

«Выбери себе героя, — догони его, обгони его» — говорил Суворов. Мой герой — Пушкин, — признавался Брюсов. — Когда я вижу какое количество созданий, великих и разных набросков, поразительных по глубине мысли, оставалось у него в бумагах ненапечатанными, — мне становится не жалко моих, неведомых никому работ. Когда я узнаю, что Пушкин изучал Араго, д'Аламбера, теорию вероятностей, Гизо, историю Средних веков — мне не обидно, что я потратил годы и годы на приобретение знаний, которыми не воспользовался»².

¹ В. Брюсов. Избранные сочинения в двух томах, т. II, М., 1956, стр. 558.

² Там же, стр. 557.

III

Накануне Великой Октябрьской революции, в обстановке полного распада символизма и все возрастающего идейного оскудения буржуазной поэзии, мировоззрение и творчество Брюсова становятся крайне противоречивыми. Порой он отдает дань настроениям эпохи реакции, воспевая «демона самоубийства», рисуя картины патологической эротики (книга рассказов «Ночи и дни»). С другой стороны Брюсов-художник упорно продолжает искать закономерности развития истории и приходит к выводу о справедливости уничтожения одряхлевшего общественного уклада. Это полнее всего выразилось в набросках утопического романа «Семь земных соблазнов» и в лучшем из исторических произведений Брюсова — «Алтаре победы».

Отталкиваясь от мистицизма своих былых соратников, не разделяя их слепого страха перед народным движением, Брюсов искал опоры в гуманистических традициях русской и мировой классики. В разгар войны он написал сонет в честь «великого олимпийца» — Гете, его внимание постоянно привлекала творческая лаборатория Пушкина. Прямым продолжателем и учеником последнего Брюсов выступил в стихотворении «Памятник» и, особенно, в окончании поэмы «Египетские ночи».

В «Памятнике» индивидуалистическое мировосприятие помешало Брюсову достигнуть высоты пушкинского решения проблемы «поэт и народ». Написанные позже (1922) вариации к «Медному всаднику» остались в основном чисто техническим «опытом», каких немало накопилось у Брюсова. Наиболее знаменательна «переключка» с Пушкиным в «Египетских ночах» (1916). Обычно это произведение рассматривалось в сравнительно-стилистическом плане и, разумеется, строфы, написанные Брюсовым, оказывались окрашенными отпечатком его собственной поэтической индивидуальности, заметно отличающимися от пушкинских. Но ведь в предисловии Брюсов предупреждал, что стнюдь не покушается «заменить» Пушкина, а лишь предлагает свое прочтение незавершенного им замысла. В своем понимании образов пушкинской поэмы Брюсов исходил из предположения, высказанного ранее в статье для венге-

ровского издания: «...Может быть хотел он в дальнейших стихах придать несколько больше человечности образу Клеопатры, остающемуся в написанной части поэмы почти бездушным олицетворением красоты и со-блазна»¹.

Гуманистическая трактовка образа Клеопатры, которая томится по искреннему большому чувству среди окружающей ее роскоши и лести, вызвала сочувственную оценку А. М. Горького, писавшего Брюсову 23 февраля 1917 года: «Если Вам интересно мнение профана в поэзии — эта вещь мне страшно понравилась! Читал и радостно улыбался. Вы — смелый и Вы — поэт божией милостью, что бы ни говорили и ни писали люди «умственные»².

Активно продолжалась также исследовательская деятельность Брюсова-пушкиниста. На первый план в ней теперь выдвинулось изучение мастерства Пушкина. Брюсов посвятил свои новые работы стихотворной технике Пушкина, особенностям пушкинских размеров, рифм, словаря. В новом для Брюсова литературоведческом жанре описания отдельного стихотворения выполнена статья о «Пророке», опубликованная уже посмертно. Проблемы изучения формы пушкинского стиха преимущественно затрагивались и в многочисленных рецензиях, библиографических обзорах, полемических заметках 1912—1917 годов. Таковы рецензии на книгу С. Боброва «Новое о стихосложении Пушкина», на сборник «Пушкинист», изданный участниками университетского семинария под руководством С. А. Венгерова.

Прекрасное знание пушкинских текстов, большая эрудиция Брюсова в области стиховедения, которым он много занимался в те же годы, а главное — изощренный слух и развитой вкус крупного поэта позволили Брюсову сделать ряд тонких наблюдений, подобрать очень убедительные примеры пушкинской звукописи, различных пушкинских размеров и ритмов. В статье «Стихотворная техника Пушкина» прослеживался рост мастерства Пушкина, приход его в 30-ых годах к пол-

¹ Мой Пушкин, стр. 116.

² А. М. Горький. Полное собрание сочинений, т. 29, М., 1955, стр. 380.

ной свободе и уверенности распоряжения русским стихом во всем многообразии форм последнего.

Однако в работах Брюсова о пушкинском стихе, о «Маленьких трагедиях», которые собирался ставить Художественный театр, о стихотворении «Пророк» отчетливо выступили формалистические тенденции. Так в крупнейшей из пушкинских работ Брюсова этих лет — «Стихотворная техника Пушкина» не ставился вопрос о причинах эволюции пушкинского стиха, автор ограничивался простой регистрацией и подсчетом размеров и ритмов. В анализе «Пророка» Брюсовым руководило убеждение, что «формальная оценка должна предшествовать всякой другой»¹. В статье о «Маленьких трагедиях» он приходил к абсолютно неверному выводу, будто бы «Пушкин никогда не видел в поэзии средства изучения мира» и в своих драмах изучал лишь «самую драму, драматическую форму», а не жизнь и характеры². Эти тенденции появились в связи с изменениями в творчестве самого Брюсова, мастерство которого, не достаточно обновляясь притоком свежих и сильных жизненных впечатлений, порой превращалось в экспериментаторство, сводилось к стилизации в духе тех или иных поэтических форм прошлого. Из чисто технических упражнений возник целый сборник «Опыты»; перенести принципы музыкальной композиции в словесное искусство должна была поэма-симфония «Воспоминание», воспроизвести многовековое развитие лирики от заклятий австралийцев и древних славян до «проклятых поэтов» и символистов собирался Брюсов в «Снах человечества».

С другой стороны обращение Брюсова к чисто формальному анализу мастерства Пушкина поддерживалось воздействием формального метода, складывавшегося в русской буржуазной науке как раз в предреволюционные годы, очень сильно выраженного в пушкиноведении. Графики и диаграммы ритмов стиха Пушкина и других поэтов вычерчивал в своей книге «Символизм» Андрей Белый. Чисто формалистическим было изучение поэтики, начатое С. Бобровым в статье «3-х дольный паузник у Пушкина», по этому пути шел в

¹ Мой Пушкин, стр. 281.

² Там же, стр. 169.

своих ранних исследованиях и Б. В. Томашевский, начавший с наблюдений над ритмикой четырехстопного ямба в «Евгении Онегине».

Воздействие формального метода на Брюсова поддерживалось как давним интересом последнего к тонкостям техники поэтического ремесла, так и свойственной Брюсову мечтой о приближении литературоведения к точным наукам, о постановке филологического исследования «на прочные, истинно реальные, почти математические основания»¹. Именно поэтому Брюсов горячо приветствовал интерес молодых пушкинистов к поэтике Пушкина, наглядно проявившийся в первых выступлениях учеников С. А. Венгерова.

Формалистические принципы господствовали отнюдь не во всех работах Брюсова о Пушкине, в ряде случаев он успешно продолжал текстологические разыскания и активно участвовал в научной критике новинок пушкиноведения. В «Известиях Московского литературно-художественного кружка» Брюсов опубликовал некоторые документы Болдинского архива и печатал текстологические заметки о различных изданиях Пушкина. В 1913 году Академия наук наградила Брюсова золотой медалью за отзыв на книгу П. Е. Щеголева «Пушкин». Безусловно, положительную роль сыграли полемические выступления Брюсова против Н. Лернера и М. Гофмана, без достаточных оснований приписавших перу Пушкина новооткрытые тексты. Особенно следует отметить полемическую статью Брюсова «Пушкин перед судом ученого историка», в которой Брюсов выступил против комментатора «Истории Пугачевского бунта» проф. Фирсова, обвинявшего Пушкина в искажении фактов под влиянием обещанного царем денежного вознаграждения. Горячая защита наследия Пушкина от легкомысленных атрибуций и самого Пушкина от незаслуженных упреков делали эти ныне забытые выступления Брюсова в свое время полезными и актуальными.

¹ В. Брюсов. Рецензия на сборник «Пушкинист». Известия Московского литературно-художественного кружка, 1916. № 14—15, стр. 81.

Победа социалистической революции дала Брюсову возможность окончательно порвать с символизмом и отдать все свои огромные познания и незаурядную энергию строительству новой культуры. В 1918 году, руководя Библиотечным отделом Наркомпроса, Брюсов организовал охрану книжных богатств страны и поставил перед коллегией Наркомпроса вопрос об отмене права частной собственности на архивы умерших писателей, композиторов, художников, хранящиеся в библиотеках и музеях, о превращении рукописей великих мастеров культуры — Пушкина, Достоевского, Толстого в общенародное достояние. Отнюдь не случайно в заявлении Брюсова, до сих пор неопубликованном, главное место занимала характеристика бумаг Пушкина, хранившихся в Румянцевском музее.

«Нет надобности говорить о значении каждой строки, проливающей новый свет на Пушкина... Анненков, Бартенева и другие ранние биографы Пушкина постарались изобразить его, в последний период его жизни, монархистом и даже приверженцем царизма, православным христианином и даже клерикалом, причем такой взгляд на великого поэта продержался в литературе более полустолетия. Ныне исследования П. Е. Щеголева и др. опровергли эту клевету на великого поэта, доказав, что он никогда не изменял вольнолюбивым надеждам своей юности и всегда имел самые широкие, свободные убеждения, но только под гнетом невыносимых условий своей эпохи не мог открыто высказывать их. Письма Н. Н. Пушкиной должны подробно выяснить эти условия последних лет жизни Пушкина, когда он, ежедневно ожидая у себя в доме полицейского обыска, не решался даже хранить в своих бумагах все написанное им, принужден был сжечь 10-ую главу «Евгения Онегина», а строфы, которыми особенно дорожил, записать условным способом, криптограммой; когда гласный и негласный надзор полиции преследовал Пушкина по пятам, причем царю доносили выписки из всей переписки поэта; когда нужда в семье Пушкина достигала того, что он закладывал ростовщикам шали жены, должен был в мелочную лавку, брал займы у домашних швейцаров и т. д., в то время как царь насиль-

ственно держал его при дворе, в виде особого украшения (как в прежние века держали шутов) и не позволял поэту прервать непосильную для него и ненавистную ему светскую жизнь»¹.

Уже в этом заявлении окончательно определилась концепция мирозозрения Пушкина, как политически прогрессивного поэта, которая легла в основу всех исследовательских и популяризаторских работ Брюсова-пушкиниста 1918—1924 годов.

Изменилась сама ориентация этих работ. Если прежде Брюсов писал о Пушкине главным образом для специалистов и для читателей из литературных кругов, то теперь «своего Пушкина» Брюсов отдает широким трудящимся массам, ставшим хозяевами культуры и науки. Очень большое место занимает теперь в деятельности Брюсова популяризация творчества Пушкина. В издании «Народной библиотеки» Наркомпроса одна за другой вышли 6 книжек, составленных Брюсовым из стихов Пушкина, снабженных вступительными очерками и примечаниями. В одном из этих выпусков представлена только политическая лирика Пушкина и он озаглавлен «Стихотворения о свободе». Другой выпуск включал баллады и сказки, он раскрывал народность поэзии Пушкина, ее фольклорные истоки. В этой серии Пушкин был показан Брюсовым и как национальный поэт, певец русской жизни и природы, и как художник необычайно многогранный и многообразный, умевший выразить колорит самых различных культур и характер целого ряда народов. Последняя сторона пушкинского гения особенно близка и дорога самому Брюсову.

Спорными могли быть принципы отнесения того или иного пушкинского текста в соответствующую рубрику. Неуместно было в издании, рассчитанном на неподготовленного читателя, внесение вариантов, от которого не удержался Брюсов. Но сама по себе тематическая классификация лирики Пушкина, выдвинутая Брюсовым, подчеркивавшая свободолобие и народность великого поэта, вполне оправдана.

¹ Заявление В. Я. Брюсова в коллегии Народного Комиссариата по просвещению. Архив Брюсова. Рукописный отдел Гос. б-ки им. Ленина.

После революции осуществилась, наконец, заветная мечта Брюсова — ему поручено редактирование собрания сочинений Пушкина для только что организованного Государственного издательства. В 1920 году вышла в свет первая часть первого тома, включавшего лирику. По плану Брюсова во второй том входили эпос и драма, в третий — проза и переписка. Внутри каждого тома материал располагался в хронологическом порядке.

Как первое советское издание сочинений Пушкина, работа Брюсова должна была ориентироваться на широкого читателя, для которого впервые могло прозвучать освобожденное от тисков царской цензуры слово поэта. В то же время в основу этого издания следовало положить заново пересмотренный, очищенный от цензурных искажений, научно проверенный текст пушкинского наследия.

Задача оказалась необычайно трудной. Ее успешному развитию помешало и характерное для Брюсова пристрастие к черновикам, вариантам, незаконченным наброскам. Еще в 1912 году, когда готовилось издание Пушкина для «Деятеля», Брюсов признавался, как труден для него выбор варианта: «Моя любовь к каждой строке Пушкина побуждает меня включать в число «важнейших» вариантов едва ли не все. Через это примечания становятся громоздкими и обширными»¹.

Черновые редакции и варианты заняли непропорционально большое место в издании 1920 года. Кроме того, Брюсов попытался самостоятельно расшифровать черновики Пушкина, дать их в связном чтении, применив так называемый «метод дивинации». В условиях 1920 года, когда рукописи Пушкина были еще не собраны и не прочитаны полностью, справиться одному с их расшифровкой, при всем опыте и трудолюбии Брюсова, было делом заранее безнадежным. Недаром именно брюсовские «дивинации» вызвали наиболее резкие и ожесточенные отзывы пушкинистов (Б. В. Томашевского, М. Гофмана и других).

¹ Письмо Брюсова Е. А. Аничкову от 27 декабря 1912 года. Архив Института Русской литературы АН СССР. Ленинград.

Справедливым нападкам критики подверглось и чрезмерно сложное расположение текстов, при котором более совершенные и законченные стихи нередко оказывались в приложениях, а ранние, ученические опыты — в основном разделе.

Неудача Брюсова, так долго и так тщательно готовившегося издавать Пушкина, показала, что методы революционной академической науки непригодны в новых условиях. Брюсов шел еще старым путем знатока-одиночки, неизбежно приводившим к редакторскому субъективизму. Прошло еще много лет, прежде чем советская наука коллективными усилиями разрешила задачу издания классиков на высоком академическом уровне и с подлинно массовым размахом.

В популярных и исследовательских работах Брюсова о Пушкине, количество которых заметно возросло, центральной становится теперь проблема мировоззрения Пушкина, его политических взглядов и революционных связей, его вражды с царским двором и светской чернью. Концепция, намеченная в заявлении 1920 года, воплотилась в ряде работ, сами заглавия которых весьма показательны: «Политические взгляды Пушкина», «Пушкин и крепостное право», «Пушкин и царизм». Задуманы, но не закончены были еще статьи «Что мы знаем об общественных убеждениях Пушкина», «Вольнолюбивые надежды», «Пушкин—революционный поэт».

Брюсов доказывал глубокое влияние на убеждения и творчество Пушкина революционной борьбы начала XIX столетия, особенно движения декабристов. Он вновь и вновь выступал против живучей версии об «отступничестве» Пушкина, о христианском его смирении и покаянии перед царем. Разрыв Брюсова с теорией «чистого искусства» позволил ему и в статьях о Пушкине полностью освободиться от эстетического понимания проблемы «поэт и чернь», увидеть в творчестве Пушкина глубокую народную основу.

Другая сторона творчества Пушкина, настойчиво привлекающая мысль Брюсова в послереволюционные годы,— многосторонность поэта, удивительное разнообразие тем, интересов, жанров и стиля. В исследованиях «Пушкин-мастер» и «Разносторонность Пушкина» Брюсов с восхищением перечислял эпохи и страны, пока-

занные Пушкиным, подчеркивал энциклопедизм знаний и интересов, говорил о мировом значении Пушкина-художника. «Еще раз убедился, что Пушкин не уступает ни Шекспиру, ни Данте — никому»¹ — писал Брюсов в частном письме, одновременно развивая и конкретизируя эту мысль в своих новых работах.

Многосторонность интересов Пушкина не случайно стала так важна и дорога для Брюсова. Он сам в лирике и прозе начала 20-х годов поднимал темы истории мировой культуры, продолжая работать над циклом «Сны человечества», создавая серию новелл «Картины» для «Кинематографа веков», пытаясь проложить пути научной поэзии, которая могла бы выразить глубочайшие сдвиги в сознании людей — современников и участников великих событий начала XX века.

Мировое значение творчества Пушкина подчеркивал Брюсов и в своих лекциях из истории русской литературы, которые он читал в 1919 году. Образ Пушкина воспринимался и освещался Брюсовым-педагогом в широкой историко-литературной перспективе, в единстве с русской действительностью и народной борьбой. В конспекте лекции о Пушкине Брюсов писал: «Значение Пушкина а) П(ушкин) как мировой поэт, б) П(ушкин) как народный поэт — все стороны русской жизни, нар(одного) рев(олюционнoго) движения, в) П(ушкин) как поэт свободы, г) Пушкин — художник. Создатель русского стиха»².

Борьба за Пушкина-революционера, верная оценка его как глубоко национального и вместе с тем мирового по своему значению поэта сочетались, однако, в работах Брюсова 20-х годов с прежним формалистическим подходом к поэтике Пушкина. Формальная регистрация поэтических средств, прикрепление к ним терминов, часто звучащих совершенно схоластически, определяли

¹ Письмо В. Я. Брюсова брату — А. Я. Брюсову от 21 августа 1918 года. Архив Брюсова. Рукописный отдел б-ки им. Ленина.

² «Десять лекций по истории новой русской литературы». Программа и материалы. Декабрь 1919 года. Архив Брюсова. Рукописный отдел б-ки им. Ленина. В скобки взяты части слов, недописанные Брюсовым.

метод исследования в таких статьях, как «Звукопись «Пушкина», «Левизна Пушкина в рифмах». Несостоятельность метода приводила к крайне субъективным выводам о предвосхищении Пушкиным футуризма, обесценивала большую и вдумчивую работу над текстом. Так статью о звукописи Пушкина Брюсов вынужден закончить признанием, по существу зачеркивающим всю проделанную работу: «Объяснить «случайностью» все звукосочетания в пушкинских стихах — невозможно... Но как достигал Пушкин своей гармонии, почему у него с виду все так просто и легко — это, конечно, тайна поэта»¹. Раскрыть «тайну» мастерства путем формалистического анализа оказалось невозможным при всей технической вооруженности Брюсова.

Слабые места нетрудно заметить и в тех работах, в которых господствовали не старые методы исследования, а новые взгляды, подсказанные Брюсову активным участием в революционной перестройке действительности. На примере Пушкина Брюсов показывал, что большой художник не может быть не захвачен освободительной борьбой своего народа. Исследование вопроса «Пушкин и революция» стало органически необходимым для Брюсова и помогло ему глубже и последовательнее определить собственное отношение к революции. Авторитет Пушкина помогал самому Брюсову идти навстречу революции до конца, вопреки нападкам старой буржуазной интеллигенции, вопреки ее злобному шипению о том, что Брюсов «перекрашивает» Пушкина в угоду большевикам.

Упорная и страстная борьба, которую вел Брюсов за Пушкина—революционного поэта, имела не только огромное значение для политической позиции самого Брюсова, но и, безусловно, помогала становлению нового советского пушкиноведения. Борьба вокруг Пушкина в начале 20-х годов никак не может сводиться к чисто академическим разногласиям. По-своему она отражала политическую и идейную борьбу противостоящих друг другу сил, попытки эстетской и формалистической науки отгородить Пушкина от современности, трудности на

¹ Мой Пушкин, стр. 247.

пути марксистского литературоведения, часто ступавшего в те годы на окольную тропу вульгарного социологизма.

В качестве противников Брюсова выступали как буржуазные эстеты, объявлявшие поэзию Пушкина вечной общечеловеческой ценностью, бесконечно далекой от политической жизни и борьбы (М. Гофман в 1922 году), так и вульгарные социологи, для которых Пушкин стал певцом русского капитализирующегося дворянства, безнадежно ограниченным экономическими условиями своей эпохи.

Изображение Пушкина непримиримым противником самодержавия и крепостного права, художником, очень близким новому рабоче-крестьянскому читателю, являлось заслугой Брюсова на раннем этапе формирования советского пушкиноведения. Ошибка Брюсова заключалась в абстрактности, отвлеченности постановки проблемы политических взглядов Пушкина. Брюсов не мог раскрыть конкретно-историческое содержание революционных убеждений Пушкина; проследить эволюцию мировоззрения поэта во всей ее сложности; показать и воздействие программы декабристов, и преодоление ее слабых сторон в зрелом творчестве Пушкина.

Следует вспомнить, однако, что в первые годы после Октября пушкиноведение еще не располагало достаточным материалом для решения всех этих вопросов. Только после смерти Брюсова Б. В. Казанский доказал, какую зловещую роль сыграл Николай I в драме жизни Пушкина, а С. Я. Гессен и М. В. Нечкина исследовали связи Пушкина с идеологией декабристов. Для начала 20-х годов плодотворно было уже то, что Брюсов отстаивал существование острого конфликта между Пушкиным и самодержавием, утверждал, что поэт не примирился и не мог примириться с николаевской Россией.

Не менее плодотворной и справедливой в обстановке 20-х годов, когда были еще широко распространены нигилистические воззрения Пролеткульта, являлась глубокая убежденность Брюсова в том, что лишь на основе наследия классиков возможен рост новой литературы социалистического общества. В 1924 году в связи с 125-летием со дня рождения Пушкина журнал «Всемирная иллюстрация» проводил анкету на тему о значении Пушкина для современности, для читателя —

строителя нового мира. Брюсов ответил одной фразой— «Учитесь у Пушкина»¹.

В одной из своих лучших работ, в статье 1922 года «Почему должно изучать Пушкина» Брюсов горячо рекомендовал советскому читателю новые издания пушкинских рукописей и черновиков. «Мы как бы присутствуем в лаборатории гения, который при нас совершает чудо превращения неясного контура в совершенную художественную картину, темного намека — в глубокую блистающую мысль»².

Об огромной эрудиции Пушкина, о том, что для понимания его стихов, в которых простота и законченность формы сочетается с богатством мысли, обилием ассоциаций и ссылок, читатель должен знать эпоху, биографию, мирозерцание поэта, неоднократно говорил Брюсов и в заметках, делавшихся им для себя лично, известных под названием «Miscellanea». В этих коротких записках часто поражает верность наблюдений Брюсова-пушкиниста, образность и точность его формулировок: «Пушкин кажется понятным, как в кристально-прозрачной воде кажется близким дно на безмерной глубине»³.

Преждевременная смерть прервала литературную и научную работу Брюсова, многие его начинания и замыслы оказались незавершенными. Среди них ряд работ о жизни и политических убеждениях Пушкина, несколько обширных библиографических указателей: «Систематический указатель источников для биографии Пушкина», «Перечень рукописей А. С. Пушкина», тематический указатель к «Евгению Онегину» и другие⁴. Таким образом, начатое в молодости изучение Пушкина сопровождало Брюсову и увлекало его до последних дней жизни.

Работы Брюсова-пушкиниста, написанные 40—50 лет тому назад, естественно, в большинстве случаев уже

¹ Л. Гинзбург. Пушкин и В. Я. Брюсов. «Мол. гвардия», 1924, № 10, стр. 206.

² В. Брюсов. Избранные сочинения в двух томах, т. II, М., 1955, стр. 466.

³ Там же, стр. 548.

⁴ См. Н. Ашукин, «Пушкиниана в архиве В. Я. Брюсова» в сб. «Мой Пушкин», стр. 304—308.

успели утратить свое непосредственное научное значение. Но в историографию русского пушкиноведения имя Брюсова вошло прочно — и в связи с текстологией лицейских стихов, и в связи с «Гавриилиадой», и в связи с оценкой очень авторитетного в свое время венгерского издания, и в связи с борьбой вокруг наследия Пушкина в первые годы советской власти.

В наши дни близка к осуществлению невозможная прежде мечта Брюсова о математически строгих методах изучения пушкинского стиха, о сближении литературоведения с точными науками (кибернетическая школа акад. Колмогорова).

Для истолкования творчества и эстетических взглядов самого Брюсова все его высказывания о Пушкине и попытки освоения пушкинского наследия чрезвычайно ценны. При всех присущих им противоречиях и ошибках суждения Брюсова о Пушкине свидетельствуют, насколько дороги были Брюсову традиции русской классики, какую большую роль они сыграли в преодолении символизма, превращении бывшего организатора кружка московских эстетов в выдающегося деятеля советской культуры.

Замеченные опечатки

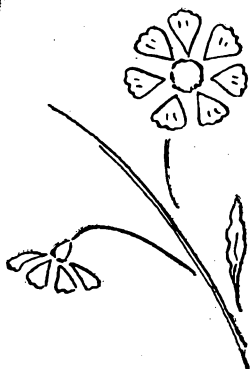
Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
14	20 сверху	П. А. Бунину нельзя не согласиться миф от эстетического Нагапет Иоанган назвав Тер-Мартirosяна общественную поэзию	И. А. Бунину нельзя согласиться мир от эстетского Нагаш Иоанган назвав Тер-Мартirosя- на, Арменуи Тигранян общественную поэзию
126	4 снизу		
191	19 сверху		
221	9 снизу		
360	2 сверху		
369	5 сверху		
437	14 сверху		

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ им. В. Я. БРЮСОВА

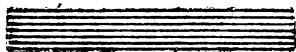
Б Р Ю С О В С К И Е
Ч Т Е Н И Я

1 9 6 3

Г О Д А

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЙАСТАН»

ЕРЕВАН — 1964